МАРИНА СЕРОВА
ЦЕНА СЛУЧАЙНОЙ НОЧИ

Литрес

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Цена случайной ночи

«Научная книга»

Серова М. С.

Цена случайной ночи / М. С. Серова — «Научная книга», — (Частный детектив Татьяна Иванова)

Расследуя убийство судьи Тамары Шуваловой, частный детектив Татьяна Иванова уже отработала все возможные версии преступления: месть осужденных Шуваловой, устранение ее как наследницы завещанной отцом квартиры, конфликты на работе, ссору с любовником… Все безуспешно. По наводке детектива Ивановой милиция арестовала даже двух подозреваемых, которые должны предстать перед судом. Но интуиция подсказывала ей: истинную причину гибели Шуваловой надо искать в ее личных отношениях. И вдруг события развернулись так, что видавшая виды сыщица сильно удивилась… Таня знает, кто убийца, но выдать преступника властям выше ее сил…

© Серова М. С.
© Научная книга

Содержание

Пролог 5
Глава 1 7
Глава 2 16
Глава 3 25
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Марина Серова
Цена случайной ночи

Пролог

Тамара Аркадьевна Шувалова захлопнула последнюю папку и, убрав ее в сейф, тщательно заперла на ключ. Сняла с вешалки легкий пиджак – этот летний день неожиданно выдался прохладным, – накинула его перед зеркалом и остановилась, задумавшись. Она присела на край стола, закусив губу, и погрузилась в размышления.

Нужно принимать решение, и как можно скорее. Собственно, она его уже приняла. Все же ясно! Но, к сожалению, не все думают так, как она. И что делать, если их мнение не изменится? Брать всю ответственность на себя? И потом всю жизнь помнить об этом и чувствовать свою вину? Но за что, черт возьми?! Хотя понятно, за что…

Тамара Аркадьевна бессильно опустила руки. Как тяжело осознавать, что ты мучаешься, колеблешься, делая выбор, а потом вдруг выясняется, что ты допустила ошибку. И расплата за нее неумолимо настигает. И не только тебя. Вот, вот что самое главное! Платить будут еще и другие, она прекрасно это понимает. И в первую очередь родная дочь. Ну а если сделать наоборот, отказаться от своего внутреннего убеждения, тогда будет еще хуже! Опять же потом, позже, но – хуже! И снова этот замкнутый круг…

Тамара Аркадьевна вздохнула и поднялась. Надела берет и поправила перед зеркалом выбившиеся темно-русые волосы. Уже повернувшись к двери, собралась открыть ее, но дверь вдруг распахнулась, и в кабинет стремительной походкой вошел Никита Костин. Как всегда, быстрый и порывистый.

– Тома, привет, – скороговоркой выпалил он, усаживаясь на стул и вытягивая свои длинные ноги.

Высокий, худощавый брюнет с манерами холерика, уверенный в себе, Никита вел свои дела так, что ни у кого не оставалось сомнения – Костин отдается им самозабвенно. Его речи, всегда опирающиеся на достоверные факты, юридически выверенные, были при этом наполнены чувством и энергией, что усиливало их воздействие на любую аудиторию.

– Привет, – отозвалась Тамара Аркадьевна. – Собственно, и – пока. Я ухожу.

– Тома, подожди. – Никита вскочил со стула и, быстро подойдя к женщине, взял ее за рукав плаща и пытливо заглянул в глаза. – Осталось три дня…

– Господи, Никита, неужели ты думаешь, что я не помню?! – отозвалась Тамара Аркадьевна, машинально поправляя выбившуюся прядь.

– Ну и?.. – Никита выжидательно посмотрел на нее.

– Что – ну и? – раздражаясь, воскликнула Шувалова. – По-моему, я давно все сказала!

– Но ты же обещала подумать!

– Я и думала, – уже спокойнее ответила Тамара Аркадьевна. – Все уже решено.

– Тома, но ты же понимаешь, чем это может грозить, – как-то печально проговорил Костин. – Тебе что, мало того случая?

– Предостаточно. Но это все продолжается, пока не состоялся суд. Потом они успокоятся, потому что все уже будет закончено.

– Не знаю. – Никита с сомнением повертел головой. – Могут и не успокоиться. И тогда уже договориться с ними не получится.

– Ладно, хватит меня пугать! – поморщилась Тамара Аркадьевна. – Как будто я первый год здесь работаю и раньше ни с чем подобным не сталкивалась. Еще похлеще бывали субъекты.

– Ты знаешь, – задумчиво произнес Костин, – я тебя очень хорошо понимаю. Достаточно взглянуть на рожу этого Гаршина, чтобы согласиться с тобой. Но… Таких много, Тома. И против всех ты бессильна. Ей-богу, так вот подумаешь и решишь, да черт с ними, провались все пропадом! Возьмешь деньги и сделаешь, как они хотят. С паршивой овцы хоть шерсти клок! Его же все равно вытащат. Не отсюда, так из тюрьмы.

– Ты опять начинаешь меня убеждать, – усмехнулась Шувалова. – Мы же с тобой уже сто раз на эту тему говорили. Полагаешь, я об этом не думаю? Да постоянно. И сегодня целый день думала. И не хочу себя ломать.

– Ну что ж… – вздохнул Никита. – Я, в общем-то, где-то в глубине души даже рад, что ты так поступаешь, но не покидает меня чувство тревоги за тебя.

– Перестань, – усмехнулась Шувалова. – На тебя какая-то паранойя напала. Первый, что ли, случай в практике?

– Ладно, поступай как знаешь, – махнул рукой Костин. – Ты домой сейчас?

– Да, а что?

– Могу подкинуть, хоть нам и не по дороге.

Тамара Аркадьевна на мгновение задумалась, а потом решительно ответила:

– Ты знаешь, не нужно. Спасибо. Я хочу пройтись пешком, мне подумать надо.

Костин внимательно посмотрел на нее и согласился:

– Ну ступай. Как там Ксюха-то?

– Да! – Тамара неопределенно махнула рукой. – Обычные для такого возраста проблемы. Мать, конечно, безнадежно устарела со своими взглядами и ничего не понимает в этой жизни.

Оба вымученно улыбнулись.

– А твои пацаны как? – поинтересовалась Тамара.

– Ой, ты знаешь… – моментально оживился Никита и принялся увлеченно рассказывать последние истории о двух своих сыновьях.

Тамара слушала вполуха и думала о своем. Так, переговариваясь, они вышли из здания суда. Костин сел в свою машину, а Тамара, помахав ему рукой, отправилась домой пешком. Мысли вертелись вокруг все той же проблемы, не давая спокойно спать по ночам. На работе она старалась гнать от себя навязчивые думы, даже выглядела ровной и спокойной, но в подсознании неизменно постоянно присутствовали те же тревоги и страхи, а когда Тамара оставалась одна, и вовсе захлестывали ее.

Интересно, Ксения дома? Может быть, посвятить сегодняшний вечер ей – и у них получится долгий проникновенный разговор матери и дочери! Хотя к чему он приведет, этот разговор? Ксения в очередной раз решит, что мать ничего не понимает и хочет решить ее судьбу по-своему. Нет, нужно уйти в свою комнату и подумать. Хотя что тут думать, сто раз уже передумано…

Тамара и сама понимала, что навязчивые мысли мучают ее, делают слабой и нерешительной. Дойдя до дома, она приняла решение: сегодня ни над чем не ломать голову, заставить себя читать ту книжку, которую недавно притащила дочь, сказав, что ее должен прочесть каждый уважающий себя человек. Выходя из лифта, она склонилась над сумочкой, доставая ключи. Выпрямившись, хотела уже повернуться к двери, но выстрел в упор помешал ей сделать это. Она упала на холодный пол и уже не слышала, как лифт плавно поехал вниз…

Глава 1

Я не раз замечала: если к тебе приходит какая-то неприятность, то она, как правило, тянет за собой целую цепочку бед. Проверено уже сто раз – стоит случиться какой-то пакости, и на тебя, как из дырявого мешка, валится черт знает что.

Мои неприятности начались с того, что мой драгоценный автомобиль заглох посреди дороги. Я сперва даже не поверила, что это с ним случилось. Потом, осмотрев машину, устало села на переднее сиденье и вынесла вердикт: «Блин, чертова жизнь!»

Мимо меня проносились автомобили, водители с любопытством взирали на блондинку в короткой красной юбке, неподвижно сидящую на водительском месте. По их взглядам я видела, что ни один из них не готов оказать мне помощь.

Вздохнув, я поняла, что, пожалуй, к чьей-то помощи мне все же придется прибегнуть, и поднялась, вытянув правую руку.

Почти сразу же возле меня тормознула синяя «десятка», и совсем молодой, но – по глазам видно – весьма ранний паренек с искренним интересом и фальшивым сочувствием полюбопытствовал:

– Проблемы, девушка?

– Проблемы, – согласилась я. – Не могли бы вы помочь мне оттащить машину в автомастерскую?

– Какой разговор! Сейчас сделаем, – обрадовался парень.

Он прикрепил с помощью троса мою «девятку» к своей машине, и мы двинулись к ближайшей автомастерской.

Там пожилой усатый ремонтник долго качал головой и цокал языком, изо всех сил пытаясь убедить меня в том, что с моей машиной произошла серьезнейшая поломка. Я понимала, что ему просто хочется содрать с меня побольше денег, но поскольку знала истинную стоимость ремонта, то без лишних эмоций протянула ему нужную сумму и потребовала выписать квитанцию.

Ремонтник был не очень доволен, но тем не менее деньги взял, квитанцию выписал, пообещав, что очень постарается через три дня машину сделать.

Парень, который помог мне дотащить сюда мою «девятку», ужом крутился возле меня. Когда мои расчеты с ремонтником были закончены, он тут же возник, с готовностью открывая дверцу своей «десятки»:

– Садитесь, девушка, я вас отвезу.

– Благодарю, – ответила я, опускаясь на переднее сиденье и закуривая сигарету. – Мне в центр.

Парень кивнул и повел машину к центру. Всю дорогу я грустила о том, что несколько дней вынуждена буду обходиться без своей «ласточки». Правда, дел у меня в это время не было, но ведь они могли появиться в любой момент! Да и вообще, мало ли что может случиться. Когда ты выбираешь себе профессию частного детектива, то должен быть готов к любым неожиданностям.

А я, Татьяна Александровна Иванова, выбрала себе эту профессию несколько лет назад и с тех пор еще ни разу не пожалела об этом.

Парень, сидящий рядом со мной, предпринимал отчаянные попытки меня разговорить, но я отвечала односложно и вяло, и он через некоторое время заметно заскучал.

Возле своего дома я попросила его остановиться. Молча раскрыла сумочку и протянула парню деньги. Он явно ждал другого вознаграждения, но у меня не было абсолютно никакого желания продолжать это знакомство.

– Да что вы, девушка, не надо денег! – все еще не сдавался он, поглядывая на меня плотоядным взглядом. – Просто вы мне очень понравились. Может быть, вы оставите мне свой телефон?

– Это лишнее, – охладила я его пыл и, положив деньги на сиденье, быстро вышла из «десятки» и направилась в сторону своего подъезда, мечтая поскорее принять душ, чтобы смыть с себя пессимизм и хоть немного взбодриться.

Дома меня ожидала новая неприятность – отключили горячую воду. Летом это в городе не редкость, но, к счастью, в нашем доме подобные мероприятия проводились только по плану.

– Идиоты… – обреченно прошептала я, опускаясь на край ванны и слушая, как тоскливо урчит пустой кран. – Ну что за жизнь!

Кое-как уговорив себя принять холодный душ, я повернула другой кран. Досчитав до десяти, я быстро нырнула под обжигающе холодные струи.

Лето уже подходило к концу, и последние дни были довольно прохладными, поэтому удовольствие подобные процедуры доставляли, мягко говоря, весьма сомнительное. А при моем настроении, далеко не безоблачном, я постаралась провести экзекуцию в темпе блиц.

Выйдя из ванной, завернутая в большое махровое полотенце, я прошла в комнату и плюхнулась на диван, решив, что, раз уж день складывается так неудачно, ничем больше сегодня не заниматься, а просто включить музыку и проваляться в состоянии безделья остаток дня.

Я включила магнитофон и решила посмотреть, сколько у меня осталось средств для того, чтобы вести такой образ жизни.

Результат сразил меня наповал. Я, конечно, знала, что деньги подходят к концу, но не до такой же степени! А тут еще сумма за ремонт машины. Нет, жизнь становилась просто невыносимой…

Необходимо срочно браться за расследование нового дела, но, как назло, телефон молчит, преступники – черт бы их побрал! – не спешат совершать свои черные дела, а клиенты, соответственно, не нуждаются в моих услугах.

Мне же не оставалось ничего другого, как свернуться калачиком на диване и углубиться в чтение первой попавшейся на полке книги. Ею оказалось «Преступление и наказание» Достоевского.

Почти сразу я поняла, что и выбор книги был сделан очень неудачно, потому что как не согласиться с Федором Михайловичем, что жизнь полна несправедливости, грязи и беспросветности.

Досадливо вернув книгу на полку, я порылась в куче развлекательных журналов на столе и выбрала наиболее старый, поскольку надеялась, что уже успела забыть ту чушь, что читала в нем.

Журнал меня совершенно не заинтересовал, и я отшвырнула его, усевшись на диване и злясь на себя за меланхолию и бездеятельность.

Поняв, что долго находиться в подобном состоянии губительно для личности, я решила разрушить все стереотипы своего поведения, отправиться куда-нибудь вечером, чтобы только не киснуть дома.

И тут я вспомнила о своих гадальных костях. Вот с кем нужно посоветоваться, чем заняться и узнать, что же мне светит в ближайшем будущем.

Вспомнив о своих верных помощниках, я быстро соскочила с дивана и подошла к шкафу, где в бархатном мешочке лежали мои косточки. Я высыпала их из мешочка и, покатав в руке, разжала пальцы. Кости мягко скатились на диван, и я нагнулась, чтобы рассмотреть выпавшую мне комбинацию.

34+6+18 – «Верьте в свои возможности, и ваша мечта осуществится!»

Это предсказание меня несколько обнадежило, и я стала напряженно думать о своих возможностях, усиленно стараясь верить в них. От этого занятия меня отвлек телефонный звонок.

Я тут же встрепенулась, вообразив, что это звонит потенциальный клиент, который поможет мне выйти из состояния депрессии.

Я подняла трубку и произнесла деловым тоном:

– Алло, частный детектив Татьяна Иванова.

В трубке послышался девичий голос, тембр его, окрашенный глубокой грустью, говорил о том, что у этой девушки большое горе:

– Как хорошо, что я вас застала. У меня к вам серьезное дело. Очень срочное. У меня погибла мама…

Последнюю фразу девушка произнесла еле слышно. Мне стало жаль ее, и я, тоном, который пристал скорее врачу или психологу, чем частному детективу, продиктовала свой адрес, предложив подъехать прямо сейчас.

Значит, кости меня не обманули. Причем предсказание их сбылось почти что моментально.

А примерно через час в дверь моей квартиры позвонила девушка лет восемнадцати. Среднего роста блондинка с круглым лицом и чуть припухшими губами. Вид у нее был, естественно, озабоченный и расстроенный. Рядом, положив руку на ее плечо, стоял парень примерно того же возраста, весьма симпатичный, с темными волосами, в которые вкраплялись высветленные «перышки». Он первым кивнул мне, и я ответила ему ободряющим кивком. Девушка очень тихо поздоровалась, очень тихо сняла обувь и очень тихой походкой прошествовала в комнату. Парень по моему приглашению последовал за ней.

– Это Данила, – представила своего спутника девушка.

Она больше ничего не добавила, а я не стала выяснять, кем ей приходится этот Данила, уточнив только, что я и есть нужная им Татьяна Александровна Иванова, частный детектив.

– Итак, что у вас случилось? – спросила я, когда клиентка расположилась в кресле, а Данила почему-то остался стоять. – И как, кстати, вас саму зовут?

– Ксения, – ответила девушка. – Вообще-то я по паспорту Оксана, но я предпочитаю быть Ксенией.

Она сидела в кресле так, что в ее фигуре чувствовалось напряжение, словно внутри ее торчала готовая разжаться в любой момент пружина. Сама же была худенькая, можно сказать, тщедушная. Несмотря на пухленькое личико, все остальное круглостью и плавностью линий не отличалось. Практическое отсутствие груди, стройная талия и очень худые ноги. И еще – я обратила внимание на то, что большие пальцы ног, торчавшие из босоножек, были крупные и очень диссонировали со всей стопой.

– Очень хорошо, я буду называть вас Ксенией, – произнесла я, заканчивая осмотр внешности своей клиентки. – Ну а теперь к делу. Вы упомянули о смерти вашей мамы…

– Да, – ответила Ксения и опустила глаза. – Ее убили. Это случилось… Это случилось три дня назад, вчера как раз были похороны. Я все эти дни находилась словно в тумане, никак не могла поверить, что такое произошло со мной, с моей мамой, а потом… Потом я решила прийти к вам.

– А почему именно ко мне? Ведь этим делом наверняка занимается милиция? – чуть подняла я брови.

Ксения нервно затеребила ворот блузки и сглотнула слюну.

– Ну да, занимается, конечно. Просто мне посоветовали к вам обратиться.

– А позволите узнать – кто? – заинтересовалась я.

Ксения неуверенно обернулась на своего спутника. Тот сжал ее плечо и тихо сказал:

– Да расскажи, что тут такого? Он же не просил скрывать…

Ксения вздохнула и проговорила:

– Мне посоветовал это сделать Никита Владимирович Костин.

Я напрягла память, но так и не смогла припомнить, где и когда встречалась с неким Никитой Владимировичем Костиным и встречалась ли вообще. А Ксения тем временем продолжала:

– Он работает… работал вместе с мамой. На похоронах он отвел меня в сторону и сказал, что есть такая Татьяна Иванова, которая расследует уголовные дела практически без провалов.

– Не практически, а точно, – не удержалась я, поскольку и в самом деле не имела ни одного провала в своей практике. А она продолжается уже как-никак… Впрочем, это не по делу. Хотя мне всего двадцать семь лет, дел я раскрыла уже немало, и среди них множество таких, которые вообще поначалу казались безнадежными. И мне, безусловно, было приятно, что меня характеризуют как беспроигрышного частного детектива. Но… Не будем раньше времени задирать нос, еще неизвестно, что за дело преподнесет мне эта девушка.

– Ксения, давайте теперь поподробнее, – попросила я. – Расскажите мне о своей маме, кем она была, чем занималась, с кем дружила и, наоборот, не дружила. Как именно она была убита? Я вас слушаю.

Ксения снова обратилась взглядом за поддержкой к Даниле, получила от него ободряющее пожатие руки, набрала в легкие побольше воздуха и начала:

– Моя мама работала в народном суде. Она была судьей.

«Вот как? – мысленно подняла я брови. – Значит, юрист, получается, как бы свой человек… Ну-ка, ну-ка, что же дальше?»

– Работала она там много лет, – уже более спокойным голосом продолжала Ксения. – С тех пор, как закончила институт и отработала практику. Жили мы с ней вдвоем, потому что папа у меня умер четыре с лишним года назад. – Голос девушки снова сник. Данила присел на ручку кресла и взял пальцы Ксении в свою ладонь.

– А отчего умер ваш папа? – уточнила я на всякий случай.

– У него был врожденный порок сердца. Собственно, мама всегда была готова к такому финалу, она прекрасно знала о его болезни. Это должно было случиться рано или поздно.

«Понятно, значит, криминала никакого там не было», – отметила я.

– Понятно, а дальше? С кем общалась ваша мама? И как, кстати, ее звали?

– Ее звали Тамара Аркадьевна Шувалова, – ответила Ксения. – А общалась она в основном с друзьями по работе. Ну, всех их, конечно, друзьями назвать нельзя, скорее приятелями, кроме разве что Никиты Владимировича.

– А там были какие-то особые отношения? – уточнила я.

– Да нет, – возразила Ксения. – Если вы имеете в виду близкие, то нет. Просто они вместе работают много лет, он приходил к нам домой, а остальных я практически не знаю. Это просто коллеги-приятели.

– И больше друзей у вашей мамы не было?

– Ну почему же. Вот, например, родители Данилы, – кивнула Ксения в сторону присевшего на ручку кресла парня. – Они знакомы давно, с молодости. И мы с детства друг друга знаем. А потом… – Она смутилась. – Потом мы с ним начали встречаться. Но это к делу не относится.

– Понятно, – снова кивнула я. – А теперь, Ксения, давайте поговорим о неприятных подробностях. Как это случилось? Как была убита ваша мама?

– Давайте лучше я расскажу, – вступил в разговор Данила, видя, что Ксения снова занервничала. – Мне все-таки проще… Одним словом, Тамару Аркадьевну нашли убитой в подъезде их дома. Она возвращалась с работы поздно, где-то уже около одиннадцати вечера.

– И как ее убили, каким образом?

– Выстрел из пистолета, – коротко ответил парень.

– А свидетели?

Данила развел руками и с сожалением покачал головой:

– Насколько я знаю, милиция никого не нашла.

– А кто же обнаружил труп?

– Соседи какие-то, – неопределенно повертел он рукой в воздухе. – Ничего толком не сообщили, просто что увидели ее лежащей на полу.

– Это дядя Миша Криволапов, – вставила Ксения. – Это он ее нашел.

– А что за дядя Миша? Куда он шел или откуда?

– Скорее всего он шел в ларек выпить сто граммов водки. Он часто туда ходит, благо ларек круглосуточно работает. Спускался по лестнице и увидел, что мама лежит. Он сперва «Скорую» вызвал, а те уже милицию.

– А вы дома были в это время?

– Да, – ответила Ксения и всхлипнула. – Мы с Данилой расстались только полчаса назад. Я даже представить себе не могла, что такое может произойти, даже не поверила, когда мне сказали…

– Вам дядя Миша сказал? – продолжала я свои обычные вопросы.

– Да. Он сильно испугался. Вызвал «Скорую» и пошел к нам. Я тут же выбежала, хотела поднять маму и увидела, что у нее кровь. Она уже была мертвая… Ей выстрелили в грудь.

И девушка, не сдержавшись, заплакала. Данила тут же принялся утешать ее, а я, воспользовавшись паузой, попыталась проанализировать услышанное. Пока какие-то определенные выводы делать еще рано, нужны были подробности, ситуация в семье и на работе, круг общения и прочее. Все это еще предстояло выяснить, а многое и без помощи Ксении, поскольку всего, что окружало ее мать, она могла и не знать. Правда, пока у меня крутилась одна мысль и не давала покоя – покойная была судьей. Но на основании этого тоже пока нельзя было делать однозначных выводов. Тем временем Ксения взяла себя в руки, вытерла слезы платком и извинилась.

– Ксения, а может быть, вы в курсе каких-то проблем вашей мамы на работе? Или еще где-то? – продолжила я.

– Насчет работы точно не знаю, – покачала головой девушка. – Вроде бы ничего такого не было. Во всяком случае, мама не рассказывала. А вот в быту… – Она нахмурилась и помрачнела. – Мне даже не хочется об этом говорить, потому что все это крайне неприятно. Но сказать нужно.

– Да, действительно, говорить сейчас нужно все, – подтвердила я. – И особенно если это кажется неприятным. Ну так что же?

Ксения вздохнула:

– У мамы есть младший брат. И проблемы эти связаны с ним. Дело в том, что их отец давным-давно бросил семью, и бабушка воспитывала маму и дядю Жору одна. А потом вдруг выяснилось, что он умер и оставил наследство… Собственно, оно состоит только лишь из его квартиры, но и этого в наше время достаточно.

– И в чем же проблема? – поинтересовалась я.

– В том, что дед составил завещание в пользу мамы, а дяде Жоре это не понравилось. Он считал, что тоже имеет право на эту квартиру.

– Ну, насчет морального права я не знаю, а юридически, наверное, нет, – сказала я. – Он же не был там прописан и в завещании не упоминается, как я поняла?

– Да, все правильно, – кивнула девушка. – И мать то же самое говорила. А ведь она юрист.

– Ну я вообще-то тоже, – напомнила я.

– Да, конечно. Но я сейчас о другом. Дядя Жора приходил выяснять отношения, и, в общем, все это было так неприятно, так некрасиво… – Ксения махнула рукой и поморщилась. – Вот вы упомянули насчет морального права. Тут, мне кажется, это неуместно. Отец их обоих не видел много лет, и они им не интересовались. Но если он оставил квартиру маме, значит, считал, что это правильно, – и Ксения вопросительно посмотрела мне в глаза.

– Ну я не знаю, – усмехнулась я. – И разбираться сейчас в том, правильно это или нет, мы, наверное, не будем. К тому же меня это и не касается. Давайте лучше о дяде Жоре, раз уж о нем зашла речь. Что он за человек, чем занимается, что за отношения были у него с вашей мамой до этой истории и как изменились потом?

– Очень сильно изменились, – ответила Ксения сразу на последний вопрос. – Я не знаю уж, почему он так на нас взъелся…

Как раз это-то мне было понятно, хотя пока я не совсем понимала, что именно стоит за словом «взъелся».

– В общем, он раскричался и даже пригрозил маме, что теперь их отношения изменились, и пусть она на него никогда больше не рассчитывает.

– А что, раньше она могла на него рассчитывать?

– Ну в общем, он помогал нам, особенно когда отец умер. Первое время после его смерти мама все время болела, денег у нас было мало, да и за мной нужно было следить, я все-таки была еще маленькая. Но скорее это была помощь такая… типа подвезти что-то, нас отвезти куда-нибудь. У него машина своя.

– А что у него за семья? Или ее нет?

– Почему же, есть. Наверное, он поэтому и обиделся.

– Не поняла, – отреагировала я.

– Ну, дело в том, что моя двоюродная сестра, его дочь, замуж выходит, и ей квартира нужна. Потом, сын там подрастает… Ну, и у них квартира такая же, как у нас: двухкомнатная. В общем, ничего хорошего. И он считал, что ему наследство это важнее, чем нам.

– А ваша мама считала по-другому? Она не хотела решить все миром и поделиться с ним?

– Да нет, а с какой стати? – удивилась Ксения. – Там же юридически все на ее стороне, она была уверена в успехе, даже если бы он в суд подал, как обещал.

– А он не хотел успокаиваться и собирался подать в суд, даже зная все условия дела? – спросила я.

– Вначале – да. Но потом, я думаю, он не стал бы этого делать. Понятно же, что он бы только время зря потратил.

– Ну а он угрожал чем-то действительно опасным вам с матерью, кроме обещаний, что больше не станет ничем помогать?

– Я точно не знаю, сама не слышала, – ответила Ксения. – Может, и угрожал, потому что его здорово задело это завещание.

– А этот дядя Жора, он был на похоронах вашей мамы?

– Да, конечно, был. И жена его тоже была, и дочь. Младшего сына только не было.

– И как они себя вели?

– Да, по-моему, нормально, – ответил Данила за Ксению. – Я ничего не заметил враждебного. По-моему, дядя твой даже искренне переживал.

– Искренне! – воскликнула Ксения. – Теперь-то эта квартира ему достанется.

– Ну ты же сама говорила, что там будут принимать участие все ближайшие наследники, то есть и ты, и он. Значит, поделите пополам, – заметил Данила примиряюще.

Ксению такая перспектива, видимо, не устраивала, потому что она сильнее нахмурилась и надула губы, дергая себя за пуговицу на блузке. Меня же сейчас волновали отнюдь не ее эмоции и обиды, поэтому я вернулась к своим вопросам:

– Как вы считаете, кто-то из маминого окружения был к ней настроен настолько негативно, чтобы пойти на убийство? Проще говоря, вы сами кого-то подозреваете?

Ксения задумалась, потом сказала:

– Кроме дяди Жоры, нет, никого.

– Значит, его вы все-таки подозреваете? – прищурилась я.

– Да, – подтвердила Ксения. – Милиции, правда, я тоже сказала об этом, и они вроде бы проверили, сказали, что у него алиби. Но он мог и не сам это сделать. А потом, алиби тоже можно подделать. И вообще, милиция все так туманно объясняет, говорит, что мы вам всего сказать не можем в интересах следствия. Почему это, скажите на милость, они считают, что я нарушу эти интересы? И почему решают, что я могу знать, а что нет?

– Потому что они делают свою работу, – разведя руками, пояснила я. – Наверное, считают – так правильнее.

– Нет, меня вот что еще возмущает: ведь она судья! Ради нее могли бы постараться, правильно? – раскрасневшись, воскликнула Ксения.

– Ну, МВД и судебная система – это разные вещи. А потом, кто вам сказал, что они не стараются? – несколько удивилась я.

– Но ведь Никита Владимирович зачем-то посоветовал мне обратиться к вам! – нажала Ксения. – Зачем?

– А кстати, действительно, зачем? – в ответ посмотрела я на нее. – Вы сами не собирались нанимать частного детектива?

– Не-ет, – протянула Ксения. – Я же говорю, что тогда вообще плохо соображала. Но потом… Я с Данилой посоветовалась, и Никита Владимирович еще раз напомнил и сказал, что так будет лучше. Я вообще-то тоже считаю, что так лучше, потому что хочу узнать, кто убил маму, а милиции уже не очень верю. Я раньше с ними не сталкивалась, а сейчас мне кажется, что им все безразлично, искать – не искать. Лишь бы не делать ничего!

– Ну, не нужно столь категорично. А вот Никита Владимирович меня интересует все больше… Скажите, как вы его можете охарактеризовать как человека? Я так поняла, что он был частым гостем в вашем доме, не чужим, наверное, человеком. Что вы о нем знаете?

Ксения потерла щеку и несколько неуверенно сказала:

– Ну, он… Нормальный человек, добрый, веселый. Очень энергичный. Мама всегда говорила, что он хороший юрист. Правда, он несколько безалаберный…

– В каком смысле? – уточнила я.

Ксения улыбнулась:

– Ну вообще-то он человек обеспеченный. У него и машина хорошая, дорогая, и вообще… Семья хорошо живет. Жена одевается в дорогих магазинах, не работает, а сам он ходит… Вроде бы и хорошо одет, а всегда как-то небрежно. Мама говорила, что у него просто натура такая. Например, может в слякоть дорогое пальто нацепить и все его заляпать – и даже не заметит этого. Он как-то равнодушно к таким вещам относится. Хотя не знаю, нужно ли вам это.

– Ну, психологический портрет не помешает, – проговорила я, снова пытаясь вспомнить, где же я могла пересечься с этим Никитой Костиным. – А лет ему сколько?

– По-моему, еще и сорока нет, – сказала Ксения. – Во всяком случае, выглядит он молодо. А вообще он человек довольно обаятельный.

– Ладно, пока оставим его в покое, все равно мне придется с ним встретиться. Теперь давайте вернемся к подробностям убийства вашей мамы. Из какого пистолета ее убили? Нашли ли его?

– Нет, пистолета не нашли, – покачала головой Ксения. – А из какого… Данила, ты помнишь, что про это говорили? – повернулась она к парню.

– Да, какой-то нестандартный пистолет, – неопределенно проговорил Данила.

– А в вашем доме есть лифт? – спросила я.

– Да, есть. И маму как раз убили, когда она из него выходила, – сказала Ксения. – Наверное, убийца выстрелил в нее, сразу же вошел в лифт и поехал вниз.

– А почему же никто не слышал выстрела? Вы ведь сами тоже не слышали? – обратилась я к девушке.

– Нет, я ничего не слышала. Может быть, пистолет был с глушителем? – Она неуверенно посмотрела на Данилу.

– Скорее всего, – пожал плечами тот. – Только все эти подробности не важны, пока пистолет не найден. Мало ли подобных пистолетов! А вот удастся ли найти его, не знаю. По идее, убийца должен был от него избавиться.

– А вот вы говорите, Ксения, что расстались с Данилой незадолго до этого трагического события…

Ксения кивнула.

– Данила, а вы, когда уходили от Ксении, видели что-нибудь подозрительное во дворе? Может быть, кто-то праздно шатался или…

Данила отрицательно покачал головой, насупив брови. Видимо, он пытался что-то вспомнить, но у него это не получалось. Да и действительно, что с того, что он вышел из подъезда полчаса назад? Он же не знал, что произойдет. Убийца же мог прятаться где угодно. Даже на виду у всех – опять же никто не знал, что это убийца.

И получалось, что на данный момент я выяснила от дочери Тамары Аркадьевны Шуваловой и ее друга все, что они могли сказать. Остальные сведения я уже должна раздобыть сама, если, конечно, соглашусь на это дело. И прежде чем сказать свое твердое «да», я задала очень важный для себя вопрос.

– Ксения, обращаясь за помощью к частному детективу, вы знали, на что идете? – Я смотрела на девушку в упор.

– Не понимаю… – пробормотала Ксения.

– Если вы насчет оплаты услуг, – вмешался Данила, – то мы это обсуждали. Ксюш, скажи.

– Да, – встрепенулась Ксения. – Никита Владимирович предупреждал, что ваши услуги стоят недешево, но у мамы остались сбережения. И я уже решила, что половину из них могу потратить на то, чтобы разыскать ее убийцу. Вы берете двести долларов в день?

– Да, плюс расходы, – кивнула я. – Не могу сказать точно, сколько дней продлится расследование, но обычно оно занимает не больше недели. Это крайний срок.

– Хорошо, – прикинув что-то в уме, мотнула головой Ксения. – Я согласна.

– Вообще-то это я должна быть согласна или не согласна, – улыбнулась я, чем повергла ее в смущение.

– Да, конечно, – покраснев и поднимаясь с кресла, сказала Ксения. – Так вы согласны?

– Да, – теперь уже с чистой совестью ответила я.

Ксения, посовещавшись взглядом с Данилой, полезла в сумочку и, открыв ее, протянула мне четыре стодолларовых бумажки.

– Вот, – проговорила она. – Если расследование продолжится, я, разумеется, добавлю.

– Хорошо, – убирая деньги, согласилась я и пошла провожать парочку до дверей.

Оставшись одна, я сварила себе кофе, закурила и, присев с чашкой на табурет в кухне, снова вспомнила о своих гадальных костях. Начало нового дела – самое время, чтобы их выслушать. Кости упали на крышку стола и выдали мне следующую комбинацию:

16+26+2 – «Материальное благополучие. Не упускайте из вида никакие мелочи, которые могут повлиять на конечный результат».

Что ж, по крайней мере, испытывать нужду в средствах я не буду, это уже радует. А вот на вторую часть толкования следует обратить особое внимание, наверняка кости предупреждают меня о тонкостях того дела, за которое я взялась.

Я убрала кости в мешочек и продолжала пить кофе, размышляя, с чего мне начать свою детективную деятельность. Логичнее всего было бы для начала наведаться на работу к Тамаре Аркадьевне и поговорить с господином Костиным, благодаря которому я и получила это дело. Возможно, вспомнить, где мы с ним встречались. Кстати, мне вот еще что было любопытно: заинтересован ли он сам в том, чтобы нашли убийцу Шуваловой, или посоветовал девчонке

обратиться ко мне просто так, чтобы хоть как-то утешить? И почему он не обратился сам? Ну, здесь, кстати, можно почти безошибочно предположить почему: в этом случае ему пришлось бы самому платить за расследование. А Ксения, как ни крути, родная дочь, она охотнее выложит деньги.

Что касается дяди Жоры с его имущественными претензиями и алиби, которое он якобы имеет, то я решила повременить с этой версией. Может быть, на работе тот же Костин прояснит мне ситуацию досконально. А больше пока никаких версий и направлений не вырисовывалось. Допив кофе, я сунула чашку в раковину и пошла собираться. Выглядеть в таком официальном учреждении, как суд, нужно соответственно, поэтому все должно гармонировать – и прическа, и наряд.

Через полчаса после того, как я, тщательно уложив волосы, наложив макияж и надев черный брючный костюм, посмотрела на себя в зеркало, я пришла к выводу, что таким образом прибавила себе в возрасте лет пяток, но, с другой стороны, обрела больше солидности и даже, как мне показалось, зрелости во взгляде. И на привлекательность моего имиджа это никак не повлияло в худшую сторону. В судах любят подобный стиль.

Оценив свою внешность высоким баллом, я вышла из квартиры и направилась в суд. Я даже не воспользовалась машиной, поскольку здание суда находилось очень близко.

Глава 2

Кабинет судьи Костина находился на втором этаже. Из-за двери доносился нестройный хор голосов – несколько человек говорили вразнобой. Я приоткрыла дверь, и голоса сразу смолкли. Две женщины и мужчина, которые стояли вокруг стола и о чем-то спорили, с недовольным видом обернулись ко мне. Одна из женщин, критически оглядев меня, спросила:

– Вам кого?

– Никиту Владимировича Костина, – ответила я, и мужчина тут же встрепенулся и посмотрел на меня с интересом.

– Я Никита Владимирович, что вы хотели? – быстро проговорил он.

На вид Костину было лет тридцать семь. Броскую внешность этого высокого брюнета с тонкими, нервными чертами лица я оценила сразу. Он ни секунды не стоял на месте, постоянно жестикулировал и объяснял что-то очень эмоционально. То крутил в длинных пальцах авторучку, то запускал их в свой кудрявый чуб, то просто барабанил по столу. Я могла голову отдать на отсечение, что раньше никогда с ним не встречалась. А судя по вопросу, который он мне задал, Никита Владимирович также видел меня впервые.

– Меня зовут Татьяна Александровна Иванова, – сказала я. – И я здесь, можно сказать, благодаря вам.

– Ах, да-да! – поспешно воскликнул Костин и застучал ручкой по столу. – Так это, значит, вы Татьяна Иванова? Очень приятно, проходите, присаживайтесь, сейчас я быстренько закончу беседу и уделю вам все внимание, можете пока полистать газету, к сожалению, ничего интереснее здесь нет.

Все это Костин проговорил на одном дыхании, без единой паузы. Женщины еще сумрачнее оглядели меня, и возобновленная беседа с Костиным стала куда интенсивнее. Они забросали его вопросами, суть которых сводилась к реплике: «Ну как же так, Никита Владимирович?» Судья же отвечал им, тыкая в кодекс и еще какие-то документы, рефреном проводя мысль: «А вот так!» Я не очень-то вникала в суть вопроса, хотя он и был чисто юридического характера, думая при этом, как пройдет моя беседа с Костиным. Пока что он произвел на меня благоприятное впечатление.

Минут через пять Никита Владимирович проявил решительность и начал активно выпроваживать дам из своего кабинета. Те сопротивлялись, ссылаясь на то, что вопрос нужно решить положительно и срочно. Потому что завтра будет уже поздно и могут случиться весьма нежелательные вещи. Но Костин оставался непреклонным, причем я заметила, что в голосе его появились стальные нотки, хотя он по-прежнему оставался доброжелательным и вежливым. Появились некая уверенность и внутренняя сила, которой обе женщины не могли противостоять и в конце концов покинули кабинет.

Костин тут же воспрял и, подойдя на своих длинных ногах к окну, резко распахнул его, впуская в кабинет свежий воздух. Потянулся, приподнявшись на носках, отчего стал казаться еще длиннее, потом помотал головой, словно стряхивая с себя усталость, а затем, улыбнувшись, обратился ко мне:

– Вам про меня сказала Ксения?

– Верно, – кивнула я. – А можно узнать, кто вам сказал про меня? Мы с вами, кажется, незнакомы.

– Да, незнакомы. – Костин заходил по кабинету туда-сюда. – Но я о вас не раз слышал. Причем от разных людей. Позвонил, узнал телефон, выяснил, что вам легко можно позвонить, дал номер Ксении… Вот и все. Надеюсь, я не сделал ничего предосудительного?

– Да нет, ничего. Просто если уж вы подбросили мне это дело, давайте будем последовательны и поговорим о вашей коллеге. О госпоже Шуваловой, кажется.

Костин нахмурился и стремительно сел на свободный стул, настолько быстро, словно при этом сложился пополам.

– Да-да, – проговорил он. – Об этом, именно об этом я и хотел с вами поговорить.

– Вы хотели мне что-то сообщить? Что-то важное? – уточнила я.

Костин тут же вскочил и снова принялся ходить по кабинету. Он и в самом деле не мог ни минуты усидеть на одном месте.

– Я бы никому ничего не сообщал, если бы не произошло это несчастье! – воскликнул он, резко останавливаясь. – Главное, я же предупреждал ее, буквально за полчаса до случившегося предупреждал!

– Так вы предполагали, что ее должны убить? – вскинула я брови.

– Я был почти уверен, – бросил Никита Владимирович и сел на столешницу своего стола.

– А нельзя ли поконкретнее все-таки? – попросила я, уже начиная терять терпение. – Сколько говорим уже, а вы все вокруг да около ходите.

– Я не хожу! – воскликнул Костин и, противореча сам себе, соскочил со стола и зашагал по кабинету. – Просто я волнуюсь. И еще хочу, чтобы вы сами отнеслись к этому со всей серьезностью. Повторяю, я никому ничего не стал бы говорить, если бы не смерть Тамары. Просто потому что дело весьма скользкое и довольно щекотливое. Одним словом, связанное с ее работой.

– Я предполагала, что профессия Тамары Аркадьевны играет в данном случае большую роль, – сказала я. – А теперь все-таки попрошу вас объяснить подробнее, в чем дело. Естественно, я понимаю, что это строго конфиденциально, меня не нужно об этом предупреждать. К тому же моя клиентка – дочь Шуваловой, и я обязана блюсти ее интересы.

– Я очень рад, что вы меня правильно поняли, – кивнул Костин. – Собственно, Тамара ни в чем не виновата, ее нельзя обвинять. Она действовала строго в рамках закона, так что с этой стороны все чисто. Вина ее в том, что она слишком опрометчиво полагалась на свои силы. Ладно, ладно! – Костин упреждающе взмахнул руками. – Я не стану больше напускать туман и расскажу все по порядку. Так вот, Тамара должна была вести дело о разбойном нападении. Короче, два вооруженных отморозка напали на квартиру одного богатого человека, но тот сумел вытащить пистолет и выстрелить в одного из грабителей. Второй убежал, но его поймали. Первого, как выяснилось, пострадавший уложил на месте. Именно второй-то как раз и должен стать обвиняемым на процессе, который состоялся бы вчера, если бы Тамару не убили. Теперь заседание перенесено.

Костин сделал паузу, но только для того, чтобы секунд пять побарабанить пальцами по шкафу, возле которого он на короткое время остановился.

– А что это за отморозки?

Костин махнул рукой, как бы выражая презрение к разбойникам.

– В общем, студенты-наркоманы… Но не это главное. Главное в том, что у одного из них – богатые родители и связи, естественно, имеются. Ну и… они хотели решить вопрос таким образом, что… короче говоря, условным наказанием намеревались отделаться. А Тамара уперлась – и ни в какую. Честно говоря, – Костин прижал руку к груди, – я ее понимал. Подсудимый никакой симпатии вызывать не может. На мой взгляд, совершенно законченный подонок-наркоша. Родители просмотрели в свое время… А может, и не смотрели вовсе. Вот так.

– И что же, эти родственники, они угрожали?

Костин усмехнулся и крутнулся на месте.

– Можно сказать, что и так. К Тамаре приезжали два молодых человека, как они представились, из правозащитной организации.

Никита Владимирович громко хохотнул:

– Из них такие же правозащитники, как из нашего президента – лирический тенор! У них на лбу написано: бандиты!

– И о чем же шла речь во время беседы с правозащитниками? – поинтересовалась я.

Костин нервно дернулся:

– Тамара всего мне не говорила. Но общий смысл был таков: не хочешь по-хорошему – будет по-плохому.

– А по-хорошему – это деньги?

– Ну конечно! – Никита Владимирович с силой хлопнул ладонью по столу. – Ей предлагали. Но она не захотела. Не знаю уж, сколько именно и почему она все-таки не взяла… Может быть, подсудимый вел себя по-хамски, может, еще что, а может, действительно решила принципиальность проявить. Бывает так, по себе знаю… Вот так раскинешь мозгами туда-сюда, видишь, что ему место на нарах, а больше нигде, – сколько ни предлагай, все равно откажешься. Адвокат сначала один был, потом, видимо, предложил Тамаре поделиться… Она отказалась, и он в отказ пошел. Те другого наняли, еще круче, у него, говорят, сам наш главный губернский законник в покровителях ходит. И вот тут правозащитнички с борцовскими шеями-то и явились. И я ей говорю: «Тамара, ну что ты делаешь, я так думаю, что все равно они своего добьются, не так, так эдак…» Я имел в виду, что могут дело другому судье передать, – объяснил Костин.

– А когда все эти события происходили? Например, визит правозащитников?

Никита Владимирович нахмурил брови. Думал он недолго и громко воскликнул:

– За неделю до смерти! За неделю… А новый адвокат за день приходил. О чем они говорили, правда, я не знаю. Но Тамара после разговора была в очень нервном состоянии. И еще мне кажется, что… – Костин предостерегающе поднял вверх указательный палец, – …что, если бы они еще чуть-чуть надавили, она бы сломалась… Но видите – они не захотели ждать. Может быть, кстати…

Никита Владимирович снова вскочил и заходил по кабинету, приняв очень озабоченный вид.

– Подождите, подождите, – отмахнулся он от меня, почувствовав, что я хочу что-то сказать. – Сейчас я все вспомню… Да! – Он повернулся ко мне и застыл на одном месте.

– Что? – тут же отреагировала я.

– Сейчас дело передано новому судье. – Костин понизил голос и подошел ко мне поближе. – Его фамилия Антипов. Не исключено, что предварительно они… Ну, вы меня понимаете?

– Договорились с Антиповым? – домыслила я.

– Нельзя исключать, – уклончиво ответил Костин. – Вот, собственно, пожалуй, и все, что я хотел вам сказать. Впрочем… Наверное, вы захотите координаты всех участников дела: отморозков, адвокатов, родственников…

– Желательно, – коротко бросила я.

– Фамилия отморозка – Гаршин, делом сейчас занимается адвокат Лисицкий, фамилию судьи я вам уже назвал…

– Лисицкого, кажется, знаю, – наморщила я лоб. – А с Антиповым не встречалась.

– Придется познакомиться, – сказал Костин.

В этот момент в дверь постучали, и на пороге возникла какая-то женщина, чем-то напоминавшая тех, которых недавно выпроводил из кабинета Костин. Никита Владимирович бросил быстрый взгляд на визитершу и вдруг замахал руками:

– Нет, нет, сейчас я занят. Лучше завтра, Мария Николаевна, лучше завтра… Наверняка же что-то несрочное.

– Ну как… – растерянно проговорила женщина.

– Завтра, голубушка, завтра! – решительно заявил Костин и направился к двери с намерением закрыть ее на ключ.

Когда он, закрыв-таки дверь, возвратился, у меня наготове был уже следующий вопрос:

– Никита Владимирович, а вы в курсе тяжбы Тамары из-за наследства с братом?

– В общих чертах, – махнул рукой Костин. – Там дело тухлое совершенно. Для брата, я имею в виду, – сразу же поправился он. – Там все абсолютно законно, не придерешься. Обидно, конечно, мужику, а что поделаешь? – Никита Владимирович развел руками. – Тамара ничего отдавать не хотела, сказала еще, что посоветовала брату подавать в суд. А тот рассмеялся и в ответ: «Конечно, ты сама там себе и присудишь все. Там все сплошь твои знакомые…» А что, есть какие-то улики? – тут же озабоченно поинтересовался он у меня.

– Улики такие же, как и против остальных, – ответила я. – Прошло всего часа три с того момента, как я познакомилась с историей этого преступления вообще.

– Угу, угу, – закивал Костин. – Ну, относительно этого брата я ничего больше сказать не могу. Тамара только один раз о нем упоминала.

– Никаких угроз, других каких-то напрягов с его стороны не было?

– Может, и было, – развел руками Костин, – но мне ничего не известно. Если бы было что серьезное, я думаю, Тамара бы поделилась со мной. А так у нее голова была только этим делом о разбое занята.

Я внимательно посмотрела на Костина. Предстояло задать ему вопрос, может быть, не совсем тактичный, но необходимый. И вообще, какие тут могут быть церемонии, когда убита женщина и сам Костин продемонстрировал, что заинтересован в том, чтобы виновник ее смерти был найден! Поэтому я откинула ложное стеснение и спросила:

– Никита Владимирович, а что за отношения связывали вас с Тамарой Аркадьевной?

Костин на секунду оторопел, а потом, пожав плечами, ответил:

– Обычные дружеские отношения.

– Но она с вами делилась своими проблемами, вы давали ей какие-то советы, были даже в курсе ее семейных дел. Может быть, вас связывало нечто большее? Она была женщиной свободной…

– Ну и что? – тут же спросил Никита Владимирович. – Нет, любовниками мы не были. Я не стану сейчас распинаться и объяснять почему, пытаться в чем-то там оправдываться – это было бы уж совсем нелепо, могу только повторить: мы были просто друзьями. А то, что я в курсе многих ее дел, неудивительно: я был дружен и с ее семьей, мы с женой на все торжественные мероприятия к ним ходили. Потом, когда муж у Тамары умер, встречаться вне работы стали реже, но отношения наши не изменились. Я даже не понимаю: почему я обязательно должен был с ней спать?

– Да вовсе вы не были ничего должны, – пошла я на попятную.

– По вашей логике выходит, что должен, – упрямился Костин, словно я его обвинила в чем-то совсем уже недопустимом.

– Ладно, я все поняла, давайте вообще оставим этот вопрос. Меня интересует еще вот что: с кем, кроме вас, Тамара Аркадьевна была дружна? Вы, наверное, знаете?

– Да, знаю, потому что и знать тут особенно нечего. – Костин заворошил свою пышную шевелюру. – Подруг и друзей у нее практически не было, она не очень-то общительна, а потом, почти все время проводила на работе, здесь мы все и общались. Есть еще семья Гладилиных, я их знаю, потому что они тоже всегда присутствовали на семейных торжествах. По-моему, еще с молодости знакомы, у них даже дети дружат.

Я поняла, что речь идет о Ксении и Даниле, только, наверное, их отношения уже перешли через понятие «дружба».

– Но они, наверное, мало что смогут вам сообщить полезного, – пожал плечами Никита Владимирович. – К тому же Тамара говорила, что на общение с ними у нее вообще почти не остается времени. Так, перезваниваются иногда, вот и все.

– Значит, у нас на руках только дело Гаршина да семейный конфликт насчет наследства, – задумчиво произнесла я.

– Наверное, да, – согласился Костин. – И дело Гаршина мне представляется приоритетным. Хотя частный детектив, безусловно, вы, а не я, и вам решать, что делать. Я, как мне кажется, сообщил все, что знал. Если что… – Никита Владимирович принялся хлопать себя по карманам, потом почти подбежал к письменному столу и, рывком выдернув один из ящиков, порылся в нем и вытащил свою визитку. – Вот, звоните мне по этому номеру, в кабинете меня не всегда можно застать.

Я взяла визитку, поблагодарила экспансивного судью за достаточно подробную информацию и вышла из кабинета. Проходя по коридору, я встретилась с теми двумя женщинами, которые были у Костина в кабинете, и не удивилась, что они проводили меня недовольными, даже уничтожающими взглядами. Что ж, женщины в возрасте не очень жалуют своих более молодых подруг, справедливо считая их удачливыми соперницами.

Безусловно, мне было абсолютно наплевать на реакцию этих женщин, у меня были свои задачи, требующие решения. Но все же приятно почувствовать себя молодой и красивой победительницей. Зарядившись от этого маленького эпизода энергией, я была готова продолжать дело. Но для этого стоило еще раз обратиться к своим костям, а это было возможно только дома. Именно туда я и направилась.

* * *

Приехав домой, я первым делом достала свои магические косточки и раскинула их, присев на диван. Вот что мне выдали мои маленькие оракулы:

20+25+10 – «Да, действительно жалок тот, в ком совесть не чиста».

Ну что ж, надеюсь, что это камень не в мой огород. Даже если мне и приходилось врать в своей жизни – а мне, каюсь, действительно приходилось это делать, и весьма часто, – никак не могу сказать, что совесть моя нечиста. Видимо, они имеют в виду или судью Антипова, или адвоката Лисицкого, или их обоих, что всего вероятнее. И это еще раз говорит о том, что с ними необходимо встретиться. Нет, все-таки хорошо, что я стала частным детективом, а не пошла работать в народный суд или не осталась в прокуратуре. Не нужно теперь брать взятки и заключать сделки с собственной совестью, оправдывая законченных преступников и упекая за решетку невинных людей. Живу сама по себе, делаю свое дело, которое приносит доход, да еще и удовольствие – что еще нужно?

А еще нужно выпить кофе. Но это уже прямо сейчас, немедленно. Любимый напиток был приготовлен очень быстро – благо, что зерна у меня давно перемолоты, – и, поглощая кофеек, я думала о предстоящих делах.

Итак, дело Гаршина поставило перед Тамарой Шуваловой серьезные проблемы – это однозначно. Неизвестно, правда, они ли стали причиной ее гибели, тут еще надо разбираться. Прежде всего с Антиповым и Лисицким. Кроме того, чтобы ясно видеть всю картину, необходимо составить себе представление о том, что это за такие сердобольные и заботливые родственнички у незадачливого налетчика. Что это за круг? Каковы люди? Хорошо бы познакомиться с материалами «дела» Гаршина, узнать его подробности. Может быть, придется встретиться и с самим подследственным, посмотреть, что там за птица такая. Хотя понятно, что он-то лично не убивал, поскольку из камеры сделать это весьма затруднительно.

Порывшись в своей обширной коллекции визиток, я отыскала номер телефона адвоката Лисицкого Льва Романовича.

Голос человека, привыкшего к публичным выступлениям, был профессионально хорошо поставлен и даже приятен. Он довольно быстро согласился на встречу со мной, предупредив, правда, что очень занят, но минут пятнадцать уделить сможет.

Я снова засобиралась в путь-дорогу. Собственно, контора Лисицкого находилась не очень далеко от моего дома, и я снова решила пройтись пешком.

– Здравствуйте, здравствуйте, – с елейной улыбкой встретил меня Лев Романович. – Присаживайтесь, рассказывайте, что у вас за проблемы.

– Да проблемы, в общем-то, не у меня, – вздохнула я. – Я по поводу дела Гаршина.

Лисицкий понимающе закивал:

– Ну что я вам могу сказать? Дело это неоднозначное весьма… Но вам, наверное, более интересны предположения относительно возможности, скажем так, вовлечения моего клиента в другое дело…

Я кивнула.

– Мне кажется, что это абсолютно друг с другом не связано, – убежденно проговорил адвокат. – Если у нас подследственные будут убирать судей, то сами подумайте, что получится.

– Беспредел, – догадалась я.

– Вот именно! – с жаром воскликнул Лисицкий. – Вот именно! Я незнаком с подробностями убийства Шуваловой, да это меня, собственно, не так уж интересует, – чуть усмехнулся адвокат. – Но я предполагаю, что вам следует искать подозреваемого вне рамок того поля, на котором действую я.

– То есть не в окружении Гаршина? – теперь уже усмехнулась я.

– Конечно, – простодушно согласился Лев Романович. – Конечно.

– Ну а все же, можно полюбопытствовать, в чем обвиняют вашего клиента?

Лисицкий покачал головой, внимательно на меня посмотрел и ответил:

– Покушение на убийство. Но… Понимаете, Таня, в чем дело? Свидетелей того, что именно мой клиент, подчеркиваю – именно мой клиент, действовал в паре с убитым, нет. Пострадавший сначала опознал его, потом изменил свои показания, что он, мол, не совсем уверен, что тогда видел его. Понятное дело – человек находился в состоянии аффекта, испытал шок, поэтому мог ошибиться. Восприятие действительности в момент нападения и уже потом, в более спокойной обстановке милицейского кабинета, – две большие разницы.

– Значит, пострадавший изменил показания? – уточнила я.

– Да. Именно поэтому я взялся за это дело. Я, знаете ли, не занимаюсь абсолютно проигрышными делами. А здесь… Гаршин был в приятельских отношениях с убитым на месте происшествия Романовым. Но и все… И еще он похож на того человека, именно похож, – Лисицкий поднял вверх указательный палец, – на того, кто вломился в квартиру пострадавшего вместе с Романовым в тот роковой день.

– И еще, я слышала, он наркоман, – продолжила я.

– Медицинского заключения по этому поводу нет, – парировал Лисицкий. – Так что нет и доказательств. Ну а если даже это и так? Все равно ничего не доказывает. Кроме самого пострадавшего, моего подзащитного Гаршина в районе места преступления в тот день никто не видел. Отпечатков пальцев милиция не нашла.

– Потому что, наверное, они были в перчатках, – с невинным видом предположила я.

– Отпечатков нет, – невозмутимо продолжал Лев Романович. – Пострадавший в конце концов опознать Гаршина не сумел. Обвинение, правда, ссылается на кожаную куртку Гаршина, на боку которой было обнаружено отверстие от пули. Якобы тот самый пострадавший стрелял после Романова еще и в Гаршина, но сумел лишь прорвать куртку на боку, не причинив тому более никакого вреда. Мол, это доказывает вину Гаршина. Но вы же понимаете, Таня, как юрист, что сие не доказательство! Потом, прокурор еще упоминает пистолет. У моего клиента изъяли пистолет. Но из него не было выпущено ни одной пули – баллистическая экспертиза это доказала. То есть пострадавший, возможно, сам открыл стрельбу первым.

– Сыграл на опережение, – пожала плечами я. – А как, вы думаете, должен поступать хозяин квартиры, на которого совершается налет? Ждать, пока налетчики убьют его самого, чтобы потом иметь достаточные основания для самообороны?

Лисицкий еле уловимым движением глаз дал понять, что оценил мою иронию.

– Даже если представить себе, что мой подследственный был на месте преступления, то при наличии пистолета он не стал стрелять! – воскликнул адвокат. – А пострадавший выстрелил в него, хотя прямой угрозы для него тот не представлял.

– Откуда вы знаете, может быть, Гаршин просто не успел выстрелить?

Лев Романович снова покачал головой:

– Таня, наши дискуссии для меня полезны, поскольку я тренируюсь перед процессом, но для вас… Скажите, что вы сами думаете по этому поводу? Ведь дело Гаршина само по себе вас не интересует.

Я не стала вступать со Львом Романовичем в дискуссию. Он, безусловно, знает свое дело и защищает интересы клиента. А как же иначе? Но меня интересовало другое – взаимоотношения в треугольнике подсудимый – адвокат – судья. Лисицкий взялся за это дело не сразу, а после того, как другой адвокат обломал об это дело зубы. Наверное, хорошо запросил за свою работу. И наверняка получил эти деньги, раз так старается. Да, вряд ли Лев Романович сейчас расскажет мне о том, сколько ему заплатили, но это не так уж и интересно для меня.

– Ну а Шувалова придерживалась того мнения, что Гаршин виновен? – спросила я.

Лисицкий выдержал небольшую паузу и чуть склонил голову набок.

– Тамара Аркадьевна, кстати, незадолго до ее трагической кончины признавалась мне, что прямых и убедительных доказательств причастности моего клиента к попытке убийства нет. И я думаю, что она бы изменила свое мнение. Я бы постарался убедить ее…

Я не стала спорить. Хотя Костин убеждал меня совсем в другом – а именно в том, что Шувалова была уверена: Гаршин – отморозок, и место ему, естественно, в тюрьме.

– Вы хотите знать, что я сама думаю? – переспросила я. – Хорошо, я вам скажу. Родители Гаршина, насколько я поняла, довольно влиятельные люди. Естественно, они имеют возможности устранить нежелательных людей, мешающих вытащить их отпрыска. К этим людям принадлежала Тамара Шувалова. Поэтому руками неких людей Шувалова и была устранена. А дело было передано судье Антипову, у которого, по моим данным, несколько другое видение обстоятельств дела.

– Это всего лишь совпадение, – парировал Лисицкий. – Может быть, это высшие силы встали на сторону моего клиента.

«О, ну это совсем уже что-то новенькое!» – не могла я скрыть усмешку. Адвокат, опирающийся, как правило, на земные и материальные вещи в своей деятельности, вдруг вспомнил о потустороннем.

Собственно говоря, разговор можно было заканчивать. Пятнадцать минут уже истекли, более того, сверх набежало еще пять. Лев Романович, увлекшись, вроде бы как и не гнал меня, но я, по сути, свою задачу выполнила. Адвокаты вообще, как мне кажется, влюблены в свой голос, в свою манеру говорить, плести словесную вязь, опутывая ею слушателя. А если еще прибавить бархатистый тембр голоса, почти гипнотизирующий и даже убаюкивающий… В общем, Лисицкий был профессионалом и сейчас, по всей видимости, предавался нарциссизму – на моих ушах оттачивал свое мастерство и одновременно любовался им.

Я же заявила о своем присутствии. Нет сомнений в том, что этот факт вскоре станет известен подследственному, а также тем, кто стоит за ним. И если они виновны в смерти Шуваловой, то наверняка от них следует ожидать каких-то действий. А если получится, то их можно и спровоцировать. Но это все дело будущего. А сейчас пора благодарить Льва Романовича и откланиваться.

– Желаю вам удачи, Танечка, – расплылся адвокат в елейной улыбке, едва я заикнулась о том, что собираюсь уходить. – И лучше бы вам, конечно, отработать другие версии.

Я ничего не возразила на это, попрощавшись с Лисицким.

* * *

Я лежала на диване и смотрела телевизор. На часах было уже почти десять вечера, когда раздался телефонный звонок. Я подняла трубку и услышала знакомый мне восторженный голос. Это был Никита Владимирович Костин.

– Татьяна, извините, что беспокою. Но есть кое-какие новости. Нам нужно обязательно встретиться, и желательно прямо сейчас.

В его интонациях чувствовались напор и некая безапелляционность. Он был уверен в том, что собирается делать, и я, судя по всему, должна сейчас подстраиваться под него.

– А что случилось? – все же решила уточнить я.

– Не по телефону, – оборвал меня Костин. – Где мы можем встретиться?

– Давайте лучше у меня дома, – ответила я и продиктовала судье адрес.

Он тут же отключил связь, пообещав быть через полчаса. Я потянулась и прошла на кухню, чтобы сварить кофе.

Насколько я успела узнать Костина, он был человеком эмоциональным и поэтому склонным ко всякого рода импульсивным поступкам. Возможно, этим и объясняется этот его звонок. Но он же судья, и судья опытный, поэтому все же вряд ли отдается эмоциям безоглядно, во всяком случае, в делах. Но звонок этот меня заинтриговал. Ждать, однако, мне оставалось недолго – всего каких-то двадцать минут.

Никита Владимирович явился даже раньше минут на пять. Прямо с порога, едва закрылась дверь, он объявил мне:

– Я нашел нечто важное. У себя в сейфе. Тамара мне передавала кое-какие материалы, но я после того, как она умерла, туда не заглядывал. Просто как-то было не до того. Но сейчас вспомнил.

Я пригласила судью пройти в комнату и поставила перед ним чашку кофе. На нее он не обратил никакого внимания. Был весь сосредоточен на папке, которую вынул из «дипломата».

– Вот здесь есть кое-что относительно судьи Антипова.

– Компромат? – тут же спросила я.

– Да. Видимо, она чувствовала, что от Антипова исходит угроза, и решила подготовиться.

– А что там за материалы?

– Посмотрите, очень интересно. – Никита Владимирович протянул мне папку.

Я взяла папку и вытащила оттуда листок бумаги. Это было заявление Тамары Аркадьевны Шуваловой, адресованное в прокуратуру. В нем она описывала несколько подозрительных, с ее точки зрения, эпизодов, связанных с деятельностью своего коллеги, судьи Антипова Сергея Владимировича. Я несколько разочарованно пробежала глазами документ. В нем, к сожалению, не содержалось ничего, что могло бы доказательно свидетельствовать о том, что Антипов – коррупционер.

– Вы удивляетесь, почему там прямо не написано, что Антипов – нехороший человек? – прочитал мои мысли Костин.

– Ну да, – согласилась я.

– Потому что он не совсем дурак, – ответил Никита Владимирович. – И документальных свидетельств найти не удалось. Но она все равно решила подстраховаться. К сожалению, ей это не помогло. Но в этой бумаге есть кое-что, что может помочь вам, Татьяна. Видите, там она говорит о контактах между Антиповым и отцом подследственного Гаршина, неким Павлом Николаевичем. Этот бизнесмен, а по некоторым данным, просто бывший бандит, скорее всего предлагал Антипову взятку…

– Но мы-то это доказать не можем! – воскликнула я. – Вы, Никита Владимирович, не можете, как юрист, этого не понимать!

– Доказать не можем, а, например, начать наблюдение за Антиповым можем. Поэтому я и пришел к вам. Мне кажется, частному детективу сделать это сподручнее, чем, скажем, мне.

Я задумалась, и мои размышления скорее были проникнуты скепсисом, нежели энтузиазмом по поводу предложения Костина. Хотя, чем черт не шутит, может быть, и стоит рискнуть.

– Завтра, между прочим, первое заседание с Антиповым в роли главного судьи. Слушается дело Гаршина, – заметил Никита Владимирович.

– Что ж, я, безусловно, приду, – сказала я. – А пока подумаю, что можно сделать с этим.

Я кивнула на заявление Шуваловой. Собственно, юридических зацепок там не было никаких. Были просто подозрения в адрес коллеги Антипова, которые, как известно, к делу не пришьешь. Никита Владимирович это, по всей видимости, тоже понимал. И все равно примчался ко мне поздно вечером.

Почему? Потому что он такой импульсивный? Потому что очень хочет, чтобы я занялась версией Антипова? Только ли потому, что желает отомстить за убитую подругу-коллегу? Или я просто понравилась ему как женщина и он использовал это заявление как предлог? Взгляд, брошенный Костиным на меня в прихожей перед уходом, можно трактовать и таким образом. Но почему тогда не сделал попытку переломить в этом плане ситуацию? Не почувствовал ответных флюидов?

Словом, вопросов насчет Костина было достаточно. Я не могла исключать того, что и он мог быть причастен к убийству своей коллеги. Мало ли что там между ними произошло, о чем не знаю я, о чем не знают ни Ксения, ни другие окружавшие Тамару Шувалову люди!

А с другой стороны, если Костин в чем-то там замешан, то зачем он стал советовать Ксении обратиться к частному детективу? Чтобы окончательно отвести от себя подозрения?

Но если продолжить задавать себе эти вопросы, на которые ответы все равно получить сейчас нельзя, можно сойти с ума. А по идее, мне нужно сейчас просто дождаться завтрашнего утра, чтобы отправиться в суд и познакомиться с другими персонажами дела.

Глава 3

Придя утром к зданию суда, я заметила на улице необыкновенное оживление. Везде сновали энергичные молодые люди неформальной наружности, в каких-то странных, непонятных простому обывателю одеждах – причудливого фасона кожаных куртках с понавешенными на них фенечками. Головы молодых людей и подруг украшали самые причудливые прически – от полного отсутствия растительности до косичек, а также просто нечесаных и немытых лохм. В толпе мелькали журналисты, знакомые мне по различного рода городским тусовкам. Прибыло даже телевидение.

Неужели дело Гаршина настолько интересно народу, что его прискакали освещать СМИ? Через минуту по разговорам среди собравшейся публики я поняла – конечно же, нет. Народ явился присутствовать при историческом моменте суда над знаменитым писателем, который на старости лет решил поэкспериментировать со своим показным экстремизмом с российской Фемидой. Когда он находился в эмиграции на Западе, его выходки там никого не пугали. Нашу же правоохранительную систему провести не удалось. На всякий случай от греха подальше – в кутузку! И вот – надо же, почему-то в нашем заштатном городе проводится над ним суд. Отсюда и внимание прессы, и присутствие неформалов – это были поклонники неоднозначного таланта писателя.

Что же касается дела Гаршина, то к нему имели отношение, как выяснилось, трое строго одетых людей, явно контрастирующих с пестротой неформалитета. Мордастый мужик, которому более пристал трактор и плуг, облаченный в дорогой костюм, был окружен телохранителями, невозмутимо поигрывающими мускулами. Атмосфера театра абсурда привлекала и отталкивала одновременно.

Тем более что один из телохранителей был мне знаком. Не помню его имени, прошло, наверное, года два, как мы встречались с ним во время одного моего расследования. Но что я точно помню – так это удар моей ноги прямиком ему в пах. Выражение злобы и боли на его лице было последним, что я тогда запомнила. И если бы не друзья из милиции… Но это уже другая история. И вот теперь – он в пиджаке, «шестерка» при мордастом мужике.

Интересно, узнал? Я, впрочем, на всякий случай спряталась за спиной одного из журналюг. А вскоре меня сзади осторожно тронули за локоть. Я обернулась и увидела Костина.

– На массовку внимания не обращайте, – сразу же сказал он. – У нас писателей судят, а это сенсация. Отморозок Гаршин никого не интересует. А вот всяческого рода нестандартные личности с экстремальными наклонностями – это да!

– Меня больше заинтересовали люди, вышедшие из той машины. – Я указала на противоположную сторону улицы. – Они только что проследовали туда.

И я показала уже на двери здания суда.

– Это наши с вами клиенты, – усмехнулся Костин. – Вернее, извиняюсь, ваши… Отец того самого отморозка и его братки.

– Ах, вот как? – подняла я вверх брови. – Ну что ж, тем будет интереснее, наверное, дальше…

И я поведала судье историю, случившуюся со мной два года назад. Никита Владимирович, как мне показалось, посмотрел на меня с уважением и не преминул заметить:

– Вот видите, а вы не верили, что они бандиты.

Я не стала ничего говорить в ответ, а решила поделиться с Костиным планом, который возник у меня ночью во время тихих размышлений. Выслушав мою идею, Никита Владимирович думал недолго. Он почти тут же одобрил мой план. И мне ничего не оставалось делать, как, радуясь ходу событий, устремиться ко входу в суд.

– Подождите, – дернул меня за рукав Костин. – Вот там – ваш следующий подопечный.

Я посмотрела в указанном Никитой Владимировичем направлении и увидела холеного полноватого мужчину, тщательно выбритого, одетого сообразно официальному ритуалу – костюм, галстук, дорогие полуботинки. Слегка переваливающейся, но все же не карикатурной, как ходят толстяки, походкой, держа в руках папку, он направился в здание суда. Игнорируя неформалов, которые что-то выкрикивали в его адрес.

– Это Антипов? – уточнила я.

– Да.

– А он что, ведет дело писателя?

– Нет, но эти молодцы считают нужным обозначить свою поддержку подсудимому перед каждым работником нашей системы, – объяснил Никита Владимирович.

Я это почувствовала на себе очень скоро, поскольку, когда мы с Костиным входили в здание, в наш адрес полетело сакраментальное: «Сатрапы!» А некоторые очень смелые девушки вызывающе смотрели на Никиту Владимировича и показывали ему неприличный жест поднятым вверх средним пальцем. Костин, естественно, оставил все эти демарши без ответа.

Мы прошли на второй этаж и встали возле двери. Перед ней толпилась небольшая кучка женщин, о чем-то озабоченно переговариваясь вполголоса. Отец подсудимого разговаривал с кем-то по мобильнику в дальнем конце коридора под неусыпным наблюдением братков-телохранителей.

– Всех прошу зайти, – бесстрастным голосом сказала какая-то вяловатая женщина среднего возраста с унылым лицом и белыми крашеными, свисающими сосульками волосами.

Народ потянулся в зал. Я заняла место с краю. Костин вообще в зал не пошел – у него были другие дела, он в это время должен был сам рассматривать некое рутинное, как он выразился, дело.

Вскоре откуда-то сбоку появился конвой, и в его сопровождении в зал был введен молодой человек, обритый почти наголо, с угрюмым и злобным взглядом, обращенным к людям, собравшимся на заседание. А потом появился самодовольно лоснящийся Лев Романович Лисицкий в сопровождении невзрачного молодого человека, скорее всего помощника. Зашла еще мужеподобная женщина-прокурор, не очень удачный имидж.

«Господи, почему они все такие неженственные, эти дамы из судебной системы!» – тихонько вздохнула я, подумав, что пойди я после окончания института в прокуратуру или суд, то и меня, возможно, ждала бы такая же участь.

– Встать, суд идет!

В исполнении вяловатой тети эта фраза прозвучала как-то неестественно. Словно команду отдавала музейный экскурсовод, которой по штату положено быть такой неземной и воздушной, согласно Ильфу и Петрову, зовущей отнюдь не к правосудию, а к поцелуям.

Антипов и еще двое, тощий мужичонка лет пятидесяти и мадам добротной комплекции, хотя совсем еще не старая, возможно, даже чуть постарше меня, вошли в зал. Антипов деловито отодвинул стул и сел. Наступила пауза. Судьи раскрывали папки, зрители шептались между собой, конвой переминался с ноги на ногу, прокурор и адвокат готовились к словесной битве, а подсудимый смотрел в зал каким-то невидящим взглядом.

«До-зы! До-зы!» – мне почудилось, что он закричал бы именно это, если бы ему сказали, что наступает момент исполнения последнего желания.

– Итак, мы продолжаем рассмотрение дела подсудимого Гаршина Олега Павловича, – объявил Антипов. – И должны будем сегодня в ходе заседания заслушать выступление представителя защиты. Пожалуйста, Лев Романович.

– Спасибо. – В интонациях Лисицкого мне послышалась та проникновенность, которая является признаком профессионализма. – Итак, перед вами, уважаемые граждане, подсудимый Гаршин. Прямых доказательств вины моего подзащитного следствие, увы, не представило. Собственно, увы – это не то слово, которым мне бы хотелось оперировать. Потому что не может

следствие представить доказательства вины. Почему? – спросите вы. Да потому что нет самой вины. Судите сами, есть показания сокурсников Гаршина и убитого Романова. Якобы все вместе они собирались вечером куда-то отправиться. Об этом знали двое свидетелей, которые нам это подтвердили. Но это совершенно не означает, что Гаршин и Романов собирались идти и совершать налет на квартиру уважаемого господина Артамонова. Вполне возможно, Романов пошел туда с кем-то другим. Может быть, он намеренно ввел в заблуждение всех. Почему? К сожалению, узнать об этом мы не можем – Романов мертв. Но одних только предположений, как вы понимаете, недостаточно. Гаршин мог отправиться куда угодно, мог отказаться идти вместе с Романовым совершать преступление. А потерпевший, увы, не может указать, Гаршин ли вместе с Романовым напал тогда на него. Он не помнит лица второго налетчика. Поэтому вина моего подзащитного ни в коем случае не доказана. Кроме того, защита имеет в своем распоряжении свидетеля Машнова, который утверждает, что этот вечер Гаршин провел вместе с ним в поездке по городу на автомобиле, принадлежащем Машнову.

«Это что же, они катались, что ли?» – усмехнулась я внутренне и неожиданно вспомнила. Да, конечно. Машнов – это тот самый бандит, которому я тогда врезала между ног. Помню, эту фамилию я встречала впоследствии в официальных протоколах.

– Свидетель, пройдите, пожалуйста, для дачи показаний сюда, – вступил Антипов, приглашая жестом моего старого знакомого подойти.

Тот занял свидетельское место и после соблюдения необходимых формальностей начал говорить:

– Значит, короче, Гаршин… Мы с ним встретились, короче, в шесть-семь часов, точно я сейчас не помню… Ну, и поехали, короче…

– На чем вы поехали, свидетель? – тут же строго спросила мужи́чка-прокурорша.

– На моей машине, – ответил Машнов.

– Марка машины, номер?

– Ну, это… «Бэха»… Извините, «БМВ»-«семерка», – и он продиктовал номер.

– И долго вы катались на «БМВ»?

– Протестую, – вступил Лисицкий. – Свидетель утверждает, что они не катались, а ездили…

– Протест принимается, – вступил Антипов. – Так как долго вы ездили, свидетель, вместе с подсудимым Гаршиным в тот вечер?

– Ну, до одиннадцати, наверное…

– До одиннадцати? – удивилась прокурорша. – Что же вы делали такое долгое время на машине?

Машнов пожал плечами и как бы смутился.

– Отвечайте, свидетель, – нахмурился судья Антипов.

– Ну, это… Короче, с девушками… Знакомиться ездили…

– Телок снимать! – неожиданно раздалось этаким хулиганским мальчишеским голосом у меня за спиной.

Женщины, которые, видимо, тоже составляли команду поддержки подсудимого в виде сердобольных тетушек и матушек, зашикали, оборачиваясь назад.

– Где вы ездили? – строго продолжил Антипов.

– Ну как – по городу, – опять растерялся свидетель.

– А конкретнее? – вступила прокурорша. – Кто это может подтвердить?

– Нас в машине двое было. Вот он может подтвердить. – Машнов обернулся к зарешеченному помещению, где сидел Гаршин.

– Это для суда не основание, – продолжил игру в строгость главный судья Антипов.

– Почему вы сразу не дали этих показаний, свидетель? – сдвинула брови прокурорша.

– Так это… Я же не знал, что Олежку замели, – простодушно развел руками Машнов. – Извините, арестовали. А потом я встретил случайно пацанов… Извините, студентов экономической академии… Этих, как их…

– Гусева и Морозова, – услужливо подсказал адвокат Лисицкий.

– Ну да. Они мне и говорят, мол, Толян, так и так. Олега, короче, обвиняют – убийство. Я – да вы что?!

– Итак, свидетель, вы встретились со студентами, – решительно прервал невразумительные междометия Машнова судья Антипов. – И они вам рассказали о том, что Гаршин находится под судом. Потом что вы делали?

– Ну это… Нашел Льва Романыча… Ну а потом он меня записал свидетелем…

– Записал свидетелем, – иронично передразнила прокурорша, которой, видимо, все происходящее все меньше и меньше нравилось, да и сама персона свидетеля скорее всего раздражала. – Что же вы молчали почти полгода?

– А чего – я с Олегом знаком так – здрасьте, до свиданья. Тогда просто случайно встретились, взяли, поехали… – Машнов был олицетворением малоразвитого лоха, простодушного, ничего не знающего и не ведающего.

– Кстати, свидетель, с девушками вы в тот день познакомились? – спросила прокурор.

– Ну да, – ухмыльнулся Машнов.

– И они могут подтвердить это?

– Наверное… Если вспомнят, – добавил свидетель.

– Да они, наверное, на Астраханку ездили за телками, – послышался все тот же хулиганский голос за моей спиной. – Подтвердят они тебе, как же! Они, может, сами уже за городом в овраге лежат… Профессия-то вредная, опасная.

– То есть, как я поняла, вы познакомились, а потом… Потом что было?

– Ну как… Что… – совсем растерялся Машнов. – Ну это…

Он лихорадочно призывал себе на помощь руки, пытаясь объяснить, что было потом. И, чтобы не допускать неприличных жестов, вступил Лев Романович:

– Скажите, свидетель, где вы проводили время с девушками?

– Как где? В машине! Там и проводили.

– То есть девушки эти были все время в машине… И что же вы делали? Вы знаете их имена, фамилии?

– Да ну, – снова замялся Машнов. – Не помню. Это когда дело-то было!

– В любом случае это показания, – решительно заговорил Лисицкий. – Это основание для того, чтобы, по крайней мере, провести дополнительное расследование по вновь открывшимся фактам. Следствие не располагало этими данными, поэтому и ограничилось другими версиями. А сейчас…

– Подождите, защитник, – остановил его Антипов. – Вам еще будет предоставлено слово. Давайте закончим допрос свидетеля.

Слушая всю эту тягомотину, я поймала себя на мысли, что наблюдаю спектакль, разыгранный дирижерами Антиповым и Лисицким. Безусловно, этот косноязычный Машнов просто-напросто врет, что он катался тогда вместе с обвиняемым на машине. Врет, зная, что свидетельниц их «катания» вовек не сыскать. А может, и наоборот, очень даже сыскать. Если выйти на Астраханку, на что намекнул мой сосед сзади, то за двойной тариф тамошних девок за раз можно и сторговать. Придет такая вот разукрашенная выдра – а других там нет, я как-то от нечего делать оценивала внешние данные наших городских проституток – и станет утверждать, стесняясь и краснея, что она действительно в тот день познакомилась с молодыми людьми… Ну, и все такое прочее.

Видать, не зря предупреждал Костин о том, что здесь, на этом процессе, без Тамары Шуваловой на главном судейском месте, все схвачено и за все заплачено.

– Спасибо, свидетель, вы можете занять свое место, – послышался голос Антипова, прервавший мои размышления.

Машнов послушно пошел по проходу, отделявшему одну половину зала от другой. И тут наши глаза встретились. И я поняла, что он меня узнал. И как-то даже забеспокоился. А потом вдруг, наоборот, просиял. Он вспомнил, вспомнил меня, мой залихватский удар ему прямиком в причинное место. И возможно, даже воспылал желанием отомстить.

И может быть, мне это его желание очень кстати. Надо будет подумать, каким образом это можно использовать. А пока ничего не остается, как продолжать слушать гладкую, хорошо отрепетированную речь адвоката Лисицкого.

– Итак, выступление свидетеля защиты практически доказывает алиби моего подзащитного.

– Потерпевший опознал Гаршина, – напомнила прокурор.

– А потом изменил показания, – радостно парировал Лисицкий. – Рискну предположить, что он таким образом проявил высокую гражданскую сознательность, потому что не хотел, чтобы пострадал невинный.

«Невинный» в это время находился на скамье подсудимых и по-прежнему имел все то же выражение лица. Возможно, конечно, я излишне взыскательна к нему. Но мне все равно казалось, что, кроме дозы, у этого человека не было ничего святого. Возможно, он и пистолет выхватить не успел, потому что перед тем, как идти на дело, слишком хорошо ширнулся героином – а он, как известно, расслабляет.

После Машнова был заслушан еще один свидетель. Он утверждал, будто вспомнил, как Гаршин в тот самый злополучный день говорил: Романов предлагает ему одно дело, но он не хочет с ним связываться. Выступление было радостно встречено адвокатом Лисицким, который расценил это как еще одно косвенное свидетельство невиновности Гаршина. Женщина-прокурор, скептически щурясь, выслушивала все это. Судья Антипов, изображая беспристрастность, после выступления свидетеля объявил перерыв.

Люди в зале зашевелились и, кто медленнее, кто быстрее, двинулись к выходу. Я последовала их примеру. Смело прошла мимо Машнова, даже не взглянув на него. И кожей ощутила злобный его взгляд. «Ну и хорошо, – подумала я. – Если он замешан во всей этой истории, будет проще вывести его на чистую воду с его-то злобой».

У меня же, согласно плану, одобренному Костиным, была другая задача – встретиться с судьей Антиповым и обозначить свое присутствие в деле еще раз. Я, впрочем, не сомневалась, что Антипов уже осведомлен обо мне, хотя бы через адвоката Лисицкого.

Увидев судью в коридоре, я, изобразив на лице доброжелательность, подошла к нему и представилась:

– Здравствуйте. Меня зовут Татьяна Иванова, я частный детектив. Расследую обстоятельства гибели Тамары Шуваловой. Не могли бы мы поговорить?

Сергей Владимирович, как я и предполагала, не очень был рад нашей встрече. Он вежливо, но холодно отказался:

– Понимаете, у меня сейчас много дел. Процесс идет… Давайте в другой раз.

– А когда вас можно застать и где?

– Звоните, – коротко ответил он, пожал плечами и уже собрался двинуться дальше по коридору.

Но я осмелилась проявить настойчивость, безусловно, свойственную всем начинающим частным детективам. Так это, по крайней мере, должно было выглядеть в глазах Антипова. Я схватила его за рукав и умоляюще заглянула в лицо.

Холодность и недоумение были мне ответом. Но я не смущалась.

– Понимаете, вы сейчас занимаетесь тем же делом, что и она в свое время… Я думала, что скорее всего причина где-то здесь, и поэтому мне необходимо с вами поговорить.

Антипов, видимо, оценивал: что это – наивная простота, наглость или нечто худшее. Я же, заправским движением профессиональной воровки мгновение назад запрятав «жучок» в карман пиджака судьи, теперь стояла как паинька. Сергей Владимирович решил наконец проявить ко мне видимость сочувствия, тронув за рукав:

– Девушка, знаете, давайте-ка завтра подойдите ко мне где-нибудь часиков в пять. К сожалению, сегодня никак не смогу. Завтра… В пять…

Я кивнула в знак согласия. А Антипов, казалось, был рад, что отделался от меня. Он быстро отвернулся и пошел по коридору. Кстати, вместе с «жучком», который я сунула ему в карман, – это было главным результатом нашей непродолжительной беседы. Маленькая штучка, чуть больше спичечной головки, которую довольно трудно оторвать от ткани. Идеальное средство для прослушивания. Правда, для таких специфических мест, как постель и баня, оно не подходит – кто же спит или купается в одежде? А вот для деловых переговоров – самое то! И еще одно условие – для качественного приема сигнала необходимо находиться не далее пятисот метров от объекта. А лучше – ближе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.